

М. Гргич-Ренко

**Между нацией и пролетариатом.
Отклики на русскую революцию 1905 г.
в словенских землях**

М. Grgić Renko

**Between the nation and the proletariat.
Responses to the Russian Revolution
of 1905 in the Slovenian lands**

В статье рассматривается отражение революции 1905 г. в России в словенской прессе. Особое внимание уделяется рассмотрению позиций триестских газет «Edinost» и «Rdeči prapor», наиболее охотно писавших о событиях в России. Анализируя их сообщения о революции 1905 г., можно увидеть, какие представления о России сложились у либералов и социалистов, и проследить, какие идеологические разногласия возникли между ними по вопросам революции, свободы, рабочего класса, национальности и религии.

Ключевые слова: российская революция 1905 г., либералы, социалисты, словенцы, Россия, Триест.

The article deals with the presence of the Russian Revolution of 1905 in the Slovene newspapers. Special emphasis is placed on the Trieste newspapers, since the *Edinost* and the *Rdeči prapor* reported about the Russians with the greatest eagerness. Through the observation of the 1905 revolution, one can see how liberals and socialists represented or imagined Russia and can follow the ideological disputes they had regarding the ideas of revolution, freedom, workers, nationality and religion.

Key words: revolution of 1905, liberals, socialists, Slovenes, Russia, Trieste.

С началом революции в январе 1905 г. менялось отношение словенцев к России. Если воздействие русского фактора на словенскую культуру в 1870–1880-х гг. являлось настолько мощным, что его можно было охарактеризовать как «вторжение русского духа»¹, то в 1905 г. произошло «вторжение русского духа» другого рода, оно приобрело общественно-идеологическую, в определенной мере даже политическую окраску. В этот период по отношению к России сформировались две различные позиции: заостренная русофильская (народническая), уходящая корнями в XIX в., и новая, классовая или социалистическая, зародившаяся именно в том году. Наиболее явно она прослеживается в триестской публицистике, которая посвящала русской революции намного больше внимания, чем пресса центральных словенских земель. Часто дело доходило даже до полемики между либерально-народнической газетой «Edinost» («Единость», «Единство», выходила с 1876 г.) и социал-демократической «Rdeči prapor» («Рдечи прапор», «Красное знамя»). С самого начала они проявляли интерес к русской революции, и с января 1905 г., на протяжении всего года, продолжали следить за ее событиями².

Из всех словенских газет больше всего внимания России уделяла, вероятно, «Edinost», которая писала о ней в возвышенно-

¹ Говоря о «вторжении русского духа», Душан Кермавнер цитировал слова редактора журнала «Sodobnost» («Содобность») и писателя Фердо Козака, который много раз высказывал мысль, что словенский модерн (как направление в искусстве и как название исторического периода) черпал вдохновение из русской литературы. См.: *Kermavner D. Slovenska publicistika in prva ruska revolucija*. Ljubljana, 1960. S. 5.

² О событиях в России сообщали все значительные словенские газеты и журналы, но только три из них предлагали читателю углубленный анализ, а иногда даже эмоциональные отклики. Помимо упомянутых в данной статье триестских газет подробно этой темой занимался и социалистический журнал «Naši zapiski» («Наши записки»), выходивший в Любляне. В нем с классовой точки зрения, удивительно схожей с позицией В.И. Ленина, еще в 1904 г. был дан анализ русско-японской войны, а в 1905 г. в нескольких номерах — очень любопытный синтез русской революции, проведенный Карлом Линхартом. Он был очень неточным и совсем не социалистическим, поскольку видно, что автор не был знаком с историческим материализмом, хотя как сотрудник социалистического журнала должен был его знать. О публикациях и позициях центральных словенских газет и журналов («Dom in svet», «Domoljub», «Slovenski narod», «Napreje», «Ljubljanski zvon» in «Čas») см. книгу Д. Кермавнера (сн. 1).

русофильском духе и почитала все русское, от пресветлого царя до последнего мужика. В основе ее публикаций лежало ярко выраженное чувство славянской взаимности. В том же ключе воспринимали Россию и читатели газеты, патриотически настроенные словенские горожане, которым было близко «всеславянское мироощущение, включавшее само собой разумеющееся не критическое восприятие России как единственной истинной силы среди славянских народов»³. Когда началась революция, редакция газеты «Edinost» почувствовала себя в тупике: как объяснить читателю, что народ восстал против царя, которого она в течение многих лет описывала как доброго защитника славян и еще в начале января прославляла как либерала?⁴ Она передавала своим читателям сообщения русской прессы о том, что русские воодушевлены реформами царя, а выступают против них только «органы интернационального еврейства», которые «не понимают нужд России». «Edinost» отвергала возможность введения царем конституции, поскольку этим он не осчастливил бы своих подданных, а, напротив, подверг бы свое государство «непредсказуемым потрясениям». Помимо этого, в газете указывалось, что настоящая «конституционная жизнь» есть только в Англии, во всех же других странах, включая Австрию, она является лишь мертвой буквой⁵. Даже Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., когда в Санкт-Петербурге были убиты около 200 человек, а ранены 800, не поколебало их веры в царя⁶.

³ *Kermavner D.* Op. cit. S. 7.

⁴ Уже в XIX в. отношение к царизму как среди самих русских, так и среди словенцев, живших в России, было неоднозначным. Например, Даворин Хостник, хотя и выступал всегда на стороне угнетенных, вместе с тем был сторонником царизма, для него царь был «представителем русской идеи, которая одновременно является и всеславянской идеей». Он не верил в революцию, но считал, что «мужик должен подняться, а помещик — поддаться». См.: *Čurkina I.* Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995. S. 190.

⁵ *Edinost.Trst*, 1905. 01.01. S. 2.

⁶ Недовольство пролетариев, работавших в невозможных условиях, проявилось в России уже в 1904 г., а в январе 1905 г. оно достигло пика. Сначала, с 3 по 7 января, прокатилась волна забастовок, тогда в Санкт-Петербурге бастовали приблизительно 120 000 рабочих. Затем, 9 января 1905 г., состоялась демонстрация 150 000 рабочих под предводительством священника Г. Гапона, которые направились к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю свои требования. Подробнее см.: *Figes O.* Tragedija ljudstva. Ruska revolucija 1891–1924. Ljubljana, 2013. S. 196–201.

Автор статьи «Кровавые события в Петрограде» писал, что у него «чисто с человеческой точки зрения тяжело на сердце», поскольку пролилась «драгоценная человеческая кровь»⁷, однако в погромах он винил международный или еврейский заговор⁸, участники которого осуществляли давление на царя в тяжелые дни, когда Россия воюет и крайне нуждается во внутриполитической стабильности. Сообщалось также, что еще не известно точное число погибших и раненых, и подчеркивалось, что сведения о жертвах, которые приводят «русофобские газеты», преувеличены. Сам автор полагался на оценку, что было 76 убитых и 283 раненых. Он высказался против революции, поскольку считал, что из-за технического прогресса в сфере во-

⁷ Газете «Edinost» пролитие крови казалось чрезмерным, однако некоторые современники считали его единственной возможностью для перехода к лучшей общественной системе. Максим Горький писал своей жене: «Итак — началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьезно поздравляю. Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью». Цит. по: *Figes O. Tragedija ljudstva*. S. 202.

⁸ Негативные упоминания о «еврейской прессе», «еврейском заговоре», «еврейском интернационализме» и т.д. часто встречаются в «Edinost», особенно, когда речь идет об итальянской или немецкой либеральной прессе. Словенский антисемитизм являлся частью более широкого средневропейского отношения к евреям, которое сформировалось как некая общность идей и стереотипов, объединявших исторически сложившиеся предрассудки с современностью и мифологией. Начиная со второй половины XIX в. антисемитизм был связан с подъемом национальных движений и с выходом на политическую арену народных масс, а с 1870-х годов он стал частью политических программ, поэтому Фуре характеризует его как «демократический антисемитизм». Подробнее см.: *Furet F. Minule iluzije: esej o komunistični ideji 20. stoletja*. Ljubljana, 1998. S. 32. Антисемитизм прослеживается чуть ли не во всей словенской прессе — от газеты «Slovanski svet» до газеты «Slovenski narod». См.: *Štepec M. Antisemitizem, Evropa in Slovenci // Slovenci v Evropi*. Ljubljana, 2002. S. 61–85. Следует принять во внимание, что словенский антисемитизм проистекал не столько из враждебного отношения к евреям, с которыми словенцы вовсе не имели контактов, сколько из националистических или даже национально-оборонительных устремлений в борьбе против немецкой или итальянской буржуазии. То же самое происходило и когда затрагивались экономические вопросы, и речь шла о позициях, занимаемых в экономике иностранцами. В словенской буржуазной публицистике «евреям» считался любой венгерский капиталист, стремившийся обогатиться в Боснии и Герцеговине, тем самым создавая препону словенским капиталистам. В публикациях «Edinost» (что видно из приводящихся в данной статье цитат) выражения «еврейский интернационал» или «международное еврейство» часто используются и при характеристике социал-демократии, социалистов. Поэтому упоминания еврейства следует понимать более широко, а не исключительно в смысле расовой или религиозной враждебности по отношению к евреям.

оружения она невозможна и обречена на поражение. Впрочем, «Edinost» могла бы симпатизировать революции и восстанию рабочих, если бы они произошли в другое время, а не тогда, когда Россия находится в состоянии войны и ее «сыновья проливают кровь». Вину за начало восстания против царя редакция газеты возлагала на «нерусские круги» или на «опасный для России и славянства Интернационал», которые боятся русской мощи, проявившейся в войне с Японией, — ведь поскольку Россию в войне не победить, ее пытаются поставить на колени путем революции. Она взяла на себя роль советницы России и порекомендовала, чтобы та расправлялась со своими «внутренними врагами» также решительно, как «с теми, что на дальнем Востоке». А в самом конце статьи были сведены счеты и с теми либеральными словенцами, которые симпатизировали восстанию и критиковали автократического русского царя, поскольку тем самым они якобы ослабляли и славянство, и самих себя: «Пусть это запомнят и “великословенцы” — славяне, которые, по-видимому, не нашли ничего лучшего, как помогать врагам славянства бросать камни в Россию, которая защищает себя от тех, кто хочет ее гибели. Пусть запомнят это те наши словенцы, которые считают, что это очень “радикально” и “прогрессивно” — выступать против автократии, о которой они не имеют представления, разве что начитавшись характеристик, которые дает какое-нибудь грязное «Piccolo» («Пикколо», «Малыш»)⁹. Мы поздравляем их с таким обществом и — стыдимся за них»¹⁰.

На следующий день «Edinost» также опубликовала подробное сообщение о событиях в России: как о стачке работников московских типографий, так и о продолжении забастовки в Петербурге. Были напечатаны сведения, заимствованные из иностранных газет, согласно которым во время столкновений в Петербурге будто бы никого не убили. Рассказали и об удивительном открытии — согласно сообщению итальянского журнала «Fracassa» («Фракасса», «Шум»), священник Георгий

⁹ Итальянская националистическая газета, выходившая в Триесте.

¹⁰ Edinost. 1905.24.01. S. 1.

Гапон, возглавлявший шествие к Зимнему дворцу и сформулировавший требования рабочих, будто бы был по происхождению итальянцем¹¹. Для «Edinost» это стало достаточным доказательством того, что «революция» действительно была инспирирована врагами России и славянства, итальянцы же, с которыми словенцы жили в одном городе и которые не признавали их национальных прав, казались самыми подходящими ее виновниками¹².

На следующей странице в статье «Движение за введение конституции в России» давался анализ российских реалий. Подпись под статьей — В. Ягич¹³, но на самом деле в ней представлены отрывки высказываний Ягича, изначально опубликованных в загребской газете «Agramer Tagblatt» («Аграмер Тагблатт», «Аграмская газета»), с которыми «Edinost» соглашалась¹⁴. Помимо прочего, в статье утверждалось, что русский народ еще не готов к конституционной жизни, а в защиту императора Николая говорилось: «Царь Николай — благородная душа, и у него наилучшие намерения. Но у него мягкий характер, на который оказывают влияние всевозможные, главным образом, реакционные силы»¹⁵. Автор также утверждал, что народные массы не хотят конституции, но стремятся к переменам, однако на самом деле не знают, чего хотят; «масса» любой национальности всегда желает, чтобы все было по-другому,

---

¹¹ В имеющейся в нашем распоряжении литературе нет сведений о том, что Гапон был итальянского происхождения.

¹² Edinost. 1905.25.01. S. 1.

¹³ Ватрослав Ягич (1838–1923) — один из известнейших хорватских славистов второй половины XIX в., публицист, придворный советник в Вене, с научными целями посетил Россию (Санкт-Петербург).

¹⁴ 23 января 1905 г. в газете «Neue Freie Presse» было опубликовано заявление В. Ягича, что он не делал для прессы комментариев о событиях в России, а также не давал разрешения на публикацию его высказываний. Можно сделать вывод, что загребская газета опубликовала точку зрения, выраженную им в неофициальной беседе. Возможно, слова Ягича передали неверно, или же Ягич после этой публикации опасался лишиться своего «добраго имени» как в глазах русских, с которыми он сотрудничал, так и в глазах австрийцев, среди которых он жил, — и поэтому предпочел дистанцироваться от этой публикации.

¹⁵ Edinost. 1905.25.01. S. 2.

но не может понять, что и как следует изменить¹⁶. Царь ни в чем не виноват, вся вина за общее недовольство в России возлагалась исключительно на чиновников, из-за плохой работы которых начались восстания, они же виновны и в отсталости всей страны¹⁷. «Edinost» также поддерживала идею, что в России не может произойти революции, поскольку это преимущественно аграрная страна, и рабочее движение в ней не могло бы достичь большого размаха¹⁸. Позже редакция газеты четче сформулировала свою теорию о парламентаризме в России и написала, что русскому мужику не нужно парламента, ведь для него «самодержавная монархия является многовековой традицией, почти религиозным институтом»¹⁹. То, что русская интеллигенция, которая наиболее упорно настаивала на введении конституции, склонялась к заключению мира с Японией, не думая о репутации своего государства и всего славянского мира, являлось доказательством вреда парламентаризма для русских»²⁰.

Несмотря на вышеприведенные высказывания, не следует оценивать позицию «Edinost» по отношению к русской ре-

¹⁶ Хотя этот аргумент, возможно, звучит покровительственно и реакционно, следует иметь в виду, что в общественном пространстве до сих пор часто приводятся подобные аргументы. Например, Славой Жижек в выступлении в Лондоне в апреле 2016 г. сказал, что демократия не должна быть чем-то само собой разумеющимся, ведь «люди часто не знают, чего они хотят, не хотят того, что знают, или просто-напросто желают то, что им не нужно». Почти идентичные аргументы приводятся по поводу конституционных устремлений русских // The Guardian. 2016.28.04. Электронный источник: <http://www.theguardian.com/books/2016/apr/28/slavoj-zizek-donald-trump-is-really-a-centrist-liberal>).

¹⁷ Позже и сам царь Николай фактически возложил вину на бюрократию. 18 февраля 1905 г. он издал манифест и указ, в котором осудил беспорядки, но в то же время указал и на вину бюрократии. Он призвал людей объединиться вокруг престола и представить свои предложения об улучшении государственного управления. См.: *Figes O. Tragedija ljudstva*. S. 209.

¹⁸ Edinost. 1905.25.01. S. 1.

¹⁹ Ibid. 1905.21.03. S. 2.

²⁰ Ibid. В этой публикации приведено мнение чешского политика Карла Крамаржа, который был женат на русской — Надежде Николаевне Хлудовой-Абрикосовой. В Россию он приезжал каждый год и познакомился в Крыму со многими представителями русской интеллигенции. Крамарж был русофилом, а позднее — идеологом неославизма. Подробнее см.: *Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci*. Ljubljana, 1994. S. 13.

волюции исключительно как консервативную, реакционную и антисоциалистическую. Материалы от 27 января 1905 г. показывают, что она была консервативна в той же мере, что и весь национализм XIX в. Национальный вопрос редакция считала более важным, чем классовый, но это вовсе не означает, что она не осознавала важность последнего. Когда перед российским консульством в Триесте произошли демонстрации, направленные против российского императора, в газете была опубликована статья «Враги России — наши общие враги». В ней народные массы подразделялись на хорошие — социалистические и плохие — итальянские и либеральные, устроившие демонстрации. «Нельзя ставить в вину социальной демократии то, что она выражает свои симпатии к русским рабочим массам и высказывает протест по отношению к автократической форме правления в России. Это соответствует ее принципам и программе. С искренними убеждениями можно не соглашаться, но мы должны их уважать...»²¹.

Для газеты «Edinost» проблемой была не социальная демократия, а итальянский либерализм, воплощением которого она считала, прежде всего, итальянскую газету «Piccolo», деятельность которой характеризовала как «проявление дикости, бешенства, а не достойного убеждения. Это не выражение благородных чувств или возвышенного восприятия гуманизма, а выхлопы испорченных сердец, жестокой вражды и бессовестное искажение великих идеалов свободы человечества для удовлетворения первобытных инстинктов и гнусной жадности прожорливой, ненасытной расы, которая призывает к мщению, если где-нибудь — как, например, в России — поставили преграду ее хитроумным планам, ее стремлению захватить весь мир в экономическое рабство»²².

Протестующих обвиняли и в том, что они «толпа наемников», которая «устроила дерзкую и нелепую демонстрацию». Она возмутила «Edinost» еще и в связи с тем, что во время волнений в Санкт-Петербурге находились представители триестского технического управления, приехавшие, чтобы до-

²¹ Edinost. 1905.27.01. S. 1.

²² Ibid.

говориться о работе для триестских рабочих. Устроив демонстрацию, итальянские социалисты якобы показали, что их на самом деле не волнуют ни рабочие, ни их труд. В газете было написано: «Эта толпа оскорбила государство, с которым сейчас ведутся переговоры, чтобы оно дало нашему городу многомиллионный заработок!! Инициатива взбесившихся жидов — это жестокая бессердечность также по отношению к тем рабочим массам, от имени которых оскорбили русское консульство, а с ним и русское государство»²³.

Затем «Edinost» упрекнула «Piccolo» в лицемерии: будто бы в отношении революции в России газета встала на сторону угнетенных, чего не делала в тех случаях, когда угнетателями были другие государства, прежде всего, Италия. Для «Piccolo» важны права русских рабочих только из-за ее враждебности к славянам: «В действительности же имело место искажение всех этих идей, идеалов человечества. Их ужасают Россия и ее правительство. Не хотят ли они, чтобы мы им напомнили о некоторых событиях, произошедших вовсе не в варварской и авторитарической России? Почему они не устроили демонстрацию перед итальянским консульством, когда в Милане и других городах Италии проливалась кровь рабочих? [...] Почему они не организуют акции протеста перед итальянским консульством по поводу ситуации в Италии, где простые люди умирают, а министры крадут миллионы из государственной казны, добытые кровавым потом мучающегося и страждущего народа? [...]

Нет, против таких жестокостей, такого насилия и бесправия, такого пренебрежения свободой и человеческим достоинством эти еврейские защитники людей и свободы не выступают. Яд их протестов направлен только на Россию, они враждебно относятся к России, к русскому народу, к славянству, ко всем нам»²⁴.

Уже через несколько дней редакция «Edinost» получила новое доказательство того, что за провозглашаемой итальянскими социалистами солидарностью с рабочим классом кроется, прежде всего, враждебность к словенцам. Итальянские и словенские социал-демократы организовали в триестском театре

²³ Edinost. 1905.27.01. S. 1–2.

²⁴ Ibid.

«Россетти» совместное выступление против жестокости царя. Статья «Только для итальянцев» в газете «Edinost» в связи с этим событием сообщала лишь, что одного словенского социалиста освистали²⁵, когда он заговорил на родном языке, и это якобы свидетельствовало о нетерпимости итальянских левых. «Edinost» со смесью негодования и понимания насмеялась над словенскими социалистами, пытавшимися найти союзников среди итальянцев²⁶. На замечания «тетки» «Edinosti» отозвался «Rdeči prapor», который отрицал, что в театре раздавались выкрики «fora i sciavi»²⁷, но добавил, что достойно сожаления, что некоторые люди итальянской национальности, у которых «горячая кровь», высказались против выступления рабочего на словенском языке. Но, по мнению газеты социал-демократов, позаботиться о том, чтобы в будущем не происходило ничего подобного, было делом самой партии²⁸. «Edinost» больше не поднимала эту тему, а «Rdeči prapor» вернулся к ней, было очевидно, что словенцев разочаровало отношение к ним некоторых членов их собственной партии. В статьях этой газеты говорилось о том, что на съездах социал-демократии всегда можно услышать речи на многих языках, например, в Вене часто говорят по-чешски, таким образом, должно быть естественным, чтобы в Триесте, где итальянцы «смешаны со словенцами», выступления словенских и итальянских социалистов на своих языках воспринимались как равноценные. Вдобавок словенские социал-демократы решительно выдвинули требование «безусловной национальной толерантности»²⁹.

В том же номере «Edinost» была опубликована статья «У своего порога», автор которой отверг обвинения русского царизма в жестокости, выдвинутые итальянцами в связи с заключением М. Горького в тюрьму³⁰. Он выдвинул следующее возра-

²⁵ Имелся в виду помощник пекаря Будрич, его роль в словенском социалистическом движении была незначительной.

²⁶ Edinost. 1905.30.01. S. 2.

²⁷ «Славяне, прочь» (*итал.*)

²⁸ Rdeči prapor. Trst, 1905.03.02. S. 2.

²⁹ Ibid. 1905.10.02. S. 3.

³⁰ Edinost. 1905.28.01. В этом номере сообщалось об аресте Горького.

жение: русский царь либерален, ведь он разрешает Толстому высказывать свое мнение, хотя оно совершенно отличается от его собственного»³¹.

Иначе обстоит дело в Италии, где социал-демократа Энрико Ферри осудили на 14 лет тюрьмы. По этому поводу было сделано едкое замечание, что даже в Австрии редко случается, чтобы парламент возбудил против кого-нибудь судебное дело из-за политических разногласий. В дополнение к этому автор отметил: «Эй, вы, те, которые в Триесте выступают как защитники свободы и обвинители русской неволи, будьте же, хотя бы раз, последовательно либеральными и пойдите к итальянскому консульству выразить протест в связи с отсутствием свободы у итальянцев»³².

«Edinost» возлагала вину за события в России не только на враждебных славянам либералов, но и на евреев³³, причем иногда она опиралась на сообщения своих авторов, а иногда заимствовала идеи у иностранных. В одной из статей приводилась цитата из статьи в журнале «Slavenska misao» («Славенска мисао», «Славянская мысль») под названием «Долой евреев», в которой давался анализ русской революции. В ней доказывалось, что Россия, если хочет внутреннего мира в государстве, должна отделаться от евреев. «Edinost» последовательно связала евреев с интернационализмом, конечной целью которого является уничтожение славянства, и добавила: «...Речь идет о славянской России, которую они хотят погубить, чтобы хозяйничать на развалинах великой славянской империи и петь пьяные песни на славянских могилах»³⁴.

³¹ Лев Николаевич Толстой в 1905 г. был признанным корифеем русской литературы, а в русской общественной жизни он вообще занимал особое, мифическое место. Его считали гением, мудрецом, чудотворцем и даже святым, поэтому понятно, что царь предоставлял ему свободу. К тому же Толстой не считался политически неблагонадежным, ему было уже почти восемьдесят лет, он выступал за то, чтобы вести простую жизнь, как русские мужики (его идеал русской жизни был воплощен в образе Левина в романе «Анна Каренина»), и являлся противником революции. Он жил в своем поместье в Ясной Поляне и не представлял никакой угрозы для императора Николая II и его режима.

³² Edinost. 1905.30.01. S. 2.

³³ См. примечание 6.

³⁴ Edinost. 1905.01.02. S. 2.

«Edinost» уделяла внимание и анализу самой революции. При рассмотрении ряда статей становится очевидно, что у ее редакторов она вызывала страх и отторжение, но они не имели ясного понимания того, что представляет эта революция. Чаще всего ее сравнивали с Французской революцией и каждый раз вновь удостоверались, что их нельзя сравнивать, далее следовал вывод, что события в России не были революционными. Якобы дело было в том, что «простые, необразованные рабочие, мятущиеся души которых будто бы созданы для социальных потрясений, начали забастовку из-за подстрекательства некоторых безрассудных или, может, даже подкупленных личностей»³⁵. В опубликованных статьях регулярно приводились высказывания тех, кто разделял точку зрения редакции, или же их цитаты вырывались из контекста, как было показано в одном из вышеприведенных примеров. Аргументацией часто служила ссылка на «русский характер» или «русскую душу», например: «Либерализм должен был развиваться в России в нигилизм, а консерватизм — трансформироваться в самую бесцеремонную полицейскую систему; и то, и другое логично проистекает из характера русских, которые не страшатся никаких последствий»³⁶. Единственным гарантом, способным предотвратить такое развитие событий, был, по мнению «Edinost», российский император³⁷.

Еще одним, возможно, наиболее убедительным примером, раскрывающим соотношение национального и классового вопросов, явились демонстрации в театре «Верди», произошедшие во время представления пьесы М. Горького «На дне». 7 мая 1905 г. «Edinost» сообщала, что по окончании представления среди публики раздавались возгласы протеста — люди требовали положить конец царскому самодержавию, начать революцию и дать свободу Горькому, который в то время был у царя в немилости. Газета отмечала, что протестующие находились под влиянием «псевдо-социалистического итальянско-

³⁵ Edinost. 1905.21.03. S. 1–2.

³⁶ Подробнее о восприятии «русской души» или России как Иного см.: *Figes O. Natašin ples. Kulturna zgodovina Rusije. Ljubljana, 2008. S. 9–16.*

³⁷ Edinost. 1905.21.03. S. 2.

го еврейства». Отвергнув эти обвинения, триестская социалистическая газета «Lavoratore» («Лавораторе», «Рабочий») 9 мая 1905 г. решительно потребовала извинений за оскорбление социалистов. «Edinost» в ответе вновь подчеркнула, что уважает социалистов³⁸, но случившееся в театре «Верди» стало «гносной антироссийской демонстрацией господ в шелковых рубашках и во фраках», и было бы лучше, если бы они исправили «бесчисленное количество кровавых несправедливостей, которые здесь, на нашей земле, они причиняют несчастным славянским страдальцам».

В одном из абзацев редакторы газеты пояснили, почему их так раздражает отношение итальянских либералов к России, причем впервые ясно высказали то, что в предыдущих статьях читалось между строк: «Неужели “Lavoratore” осмелится утверждать, что всех этих итальянских господ во фраках и шелковых рубашках, которые устроили такую пошлую демонстрацию, [...] действительно волнует положение русского народа или судьба Максима Горького? Вовсе нет! Они хотели высказаться против России, потому что она *славянская!* [...] Им противна не только автократия в России, им противна сама Россия, они враждебны славянству [...]. Если бы Максим Горький, таков, какой он есть, жил в Триесте, если бы он жил как славянин, для них бы он был рабом, как и все мы. Мы слишком хорошо это знаем, и пусть к нам не приходят с оправданием, что такие демонстрации проходят во имя гуманности и идеалов либерализма! [...] Именно потому, что мы знаем этих сеньоров, желающих использовать социальную идею в личных целях, именно потому, что мы знаем, что они желают Италию, а не свободу для всех, и еще потому, что мы открыто стремимся к тому, чтобы социальная демократия служила идее братства, равенства и свободы индивидуума, — именно поэтому мы осуждаем такие действия социал-демократических органов, резуль-

---

³⁸ «Вы все должны понять, что у нас вовсе не было намерения задеть социалистическую партию и тех, кто является ее сторонником из честных убеждений. Мы никогда не скрывали и не замалчивали то, что между нами и социалистической партией существуют принципиальные отличия. Если бы их не было, и речи бы не шло о национальной и социалистической партиях, ведь тогда бы мы стали единой партией». См.: Edinost. 1905.11.05. S. 1.

тат которых — не что иное, как поддержка итальянских националистических безумцев, что умаляет авторитет и значимость социальной демократии и ее программы»³⁹.

Эти слова ясно показывают, что для «Edinost» национальный вопрос был намного важнее классового и что любые действия итальянцев, направленные против русского царя, она воспринимала как агрессию против славянства. Царь казался гарантом стабильности, славянской мощи и власти — всем тем, чего славяне в Триесте сами не могли достичь. Затем «Rdeči prapor», чье отношение к «Edinost» традиционно было презрительным, включился в эту полемику, опубликовав статью «“Edinost” снова защищает царизм», в которой резко заклеймил позицию этого органа либералов и призвал к борьбе за Горького и его свободу, а также осудил отношение *национальной* газеты к русскому народу: «Кто знает, возможно, Горький и сейчас был бы в тюрьме, если бы не могучий протест, прокатившийся по всему цивилизованному миру, — за исключением тех кругов, где царит жандармский дух “Edinost”. И этот дух они называют славянским, а тех, кто симпатизирует русским в их борьбе против эгоистичного антинародного царя, они исключают из народных рядов. И это уже не заблуждение, а просто обычная подлость»⁴⁰.

В том же номере «Rdeči prapor» очень четко объяснил, в чем его принципиальное отличие от «Edinost» и чем различаются взгляды на русскую революцию обеих газет. «Edinost» упрекнули в «по-детски наивном» отношении к царю, которое, однако, не может служить оправданием тому, что она пишет, ведь «тот, кто и сейчас еще не понимает, что всякая защита царизма является сознательным оскорблением русского народа и причинением ему вреда, не имеет никакого права профессионально заниматься журналистикой»⁴¹. Также было подчеркнуто, что «Edinost» якобы издавна прославляла тиранов, если те были достаточно хитры, чтобы провозгласить себя славянскими государствами, из чего, собственно, следовало лишь то, что они терро-

³⁹ Edinost. 1905.11.05. S. 1.

⁴⁰ Rdeči prapor. 1905.12.05. S. 2.

⁴¹ Ibid. 1905.12.05.

ризировали собственный славянский народ. Но «Edinost», когда речь идет о царе, теряет разум, поэтому она так эмоционально отреагировала на протесты в театре «Верди». Впрочем, в газете «Rdeči prapor» отмечалось, что словенские социал-демократы и сами сомневаются в «глубоких чувствах» «элегантных господ» в театре «Верди», ведь драма Горького направлена именно против них, против буржуазии. Но представление смотрел и «пролетариат, сражающийся за те же идеалы, что и Горький»⁴².

Говоря о русской революции, «Rdeči prapor» все больше упоминал о пролетариате и явно ставил на первое место классовый вопрос. Впрочем, его редакция располагала не более достоверными сведениями о самом ходе революционных событий и истинном положении дел в России, чем редакция «Edinost», обе газеты в основном черпали их из иностранной прессы и на ее основе делали более или менее самостоятельные выводы. «Rdeči prapor» уже использовал социалистическую терминологию; в нем можно прочесть, что «пролетариат — движущая сила революции», что стачка является «орудием пролетариата в современной революции», а также что революция должна быть глобальной и охватить не только Россию, но и всю Европу, и что пролетарии всех стран солидарны со своими русскими братьями: «Все стремления словенских пролетариев едины со стремлениями страждущего русского народа, и их лозунгом является лозунг русского пролетариата: “Будь проклят царизм! Победу русской революции!”»⁴³.

В ходе полемики об аресте Горького менялось отношение «Edinost» к писателю. Если в прежние годы газета всегда находила доброе слово для русских деятелей культуры, особенно для писателей, то теперь она перешла к критике и подчеркивала, что, конечно, Горький отличный писатель, но это еще не значит, что он «хороший человек». В особенности достойным сожаления, по ее мнению, было то, что писатель критиковал Россию именно тогда, когда в ней начался кризис, и она ослабела. И поэтому он понес заслуженное наказание⁴⁴. В газете постоянно утвержда-

⁴² Rdeči prapor. 1905.12.05.

⁴³ Ibid. 1905.17.02. S. 1.

⁴⁴ Edinost. 1905.19.05. S. 1.

лось, что в России свободы слова намного больше, чем в Австрии, в ней разрешено проведение митингов даже во время войны⁴⁵. Конечно, это была неправда, но у газеты «Edinost» сложилось туманное представление о российской действительности. В этом ее неоднократно упрекал «Rdeći prapor»: «“Edinost” утверждает, что испытывает чувство любви к России, ... но она любит официальную Россию, или какую-то воображаемую Россию, которую изображает так, как ей самой нравится. То, что такая любовь не имеет ничего общего с любовью к русскому народу или к народам, проживающим в России, они не понимают [...]. Русский, который любит свою родину, может желать только уничтожения современной официальной России. [...] Пришло время опровергнуть мнение, что эта заступница национализма является другом русского народа. Нет никого более враждебного ему, чем газета, для которой кнут и нагайка — символы славянства»⁴⁶.

Во второй половине 1905 г. в публикациях газеты «Edinost» прослеживается смещение идеологических акцентов, в них стали писать о том, что, возможно, русский народ и в самом деле заслуживает большей свободы и конституции, однако еще настойчивее обосновывали свою любовь к царю (ранее им никогда не приходилось из-за нее оправдываться). В одной из статей, подписанной «Национальный социалист», высказаны пожелания России: «А интеллигенция? Преобладающая часть ее мечтает о большей свободе и лучшем будущем для русского народа. Об этом же мечтаем и мы, желая, чтобы для него как можно скорее засияло больше света, чтобы он поднялся на более высокую ступень образования и просвещения, достиг лучшего социального благосостояния и широкой политической свободы. И свобода оживила бы всю мощную, но до сих пор мертвую духовную энергию русских, способную преобразовать устаревшие политические идеи западных народов точно так же, как русская литература преобразила западную.

И далее — нам кажется, что в данных обстоятельствах для России в сто раз лучше хорошая автократия, чем плохой парламентаризм.

⁴⁵ Edinost. 1905.18.06. S. 2.

⁴⁶ Rdeći prapor. 1905.26.05.

Т.е. мы монархисты, поскольку убеждены, что царизм вовсе не является наибольшим злом для русского народа»⁴⁷.

Но после того как царь провозгласил введение конституции в России⁴⁸, «Edinost» немедленно высказалась в ее поддержку, увидев в ней будущее всего славянского мира. При этом сразу же было подчеркнуто, что конституция свидетельствует не о победе революции, а о «благородстве царя Николая», который сделал лишь то, что и так сделал бы в любом случае, только подождя еще немного — ведь «любое слишком сильное лекарство вредно для слабого больного». Автор одной из статей (подпись — «Jwski») видел в парламентаризме возможность для появления партии, которая выступит за освобождение балканских славян, чего прежде не могло произойти, поскольку «у официальной России были связаны руки в вопросах славянской политики». Затем он с гордостью добавил: «И мы дождемся того дня, о котором уже давно мечтаем, когда оживет и окрепнет славянофильская партия. Тогда революционеры проклянут день 30 октября 1905 г., день, давший России свободу»⁴⁹. На этот раз автор газеты «Edinost» высказал мнение, что только конституция означала для России свободу, хотя ранее, в течение почти одиннадцати месяцев, в газете утверждалось обратное. Более того, введение конституции восприняли как надежду для всех славянских народов, о чем свидетельствует название статьи «Рассвет для славянства, ведь Россия пробудилась». Уже само это название противоречило прежним публикациям, поскольку с января 1905 г. редакция считала, что в России не может быть настоящего восстания. Очевидно, волнения и забастовки 1905 г. стали для «Edinost» признанными фактами лишь тогда, когда их, хоть и нехотя, путем провозглашения конституции признал царь. Заканчивалась статья почти восторженно: «Воодушевляясь этим обеспеченным будущим

⁴⁷ Edinost. 1905.20.05. S. 1.

⁴⁸ Нужно осознавать, что царь не давал согласия на конституцию, что сделал бы просвещенный правитель, более того, Николай даже отказался от роли конституционного монарха, поэтому мы не можем считать его просвещенным императором, принесшим России демократию. См.: *Figes O. Tragedija ljudstva*. S. 214.

⁴⁹ Edinost. 1905.01.11. S. 1.

нашей братской России, мы приветствуем ее на новом пути. Нас отделяют от нее большие пространства и государственные границы. Но мы вновь находимся совсем близко к ней, ведь нас сплачивает земля, раздробленная, но объединенная одним стремлением, земля, которая с одной стороны заселена хорватами, сербами и болгарами, а с другой — чехами, словаками и поляками. Как донныне, так и отныне прогресс России — наш прогресс. И поскольку Россия пробудилась, то и у нас — маленьких, слабых и угнетенных — наступает рассвет»⁵⁰.

После принятия российской конституции изменился и тон сообщений «Edinost» о России, и ее отношение к революции. Эта газета, как и многие другие словенские печатные органы, развернула открытую борьбу за введение всеобщего избирательного права. В ней стали появляться боевитые заголовки типа «Славяне, все на борьбу за всеобщее избирательное право!»⁵¹, причем редакторы старались, чтобы их агитация не была похожа на социал-демократическую. Несмотря на это, в ряде номеров уже прослеживаются настоящий революционный экстаз и явное воодушевление революцией. Радикальные взгляды высказывались и в серии сообщений корреспондентов «Edinost» «Письма из Праги», в них цитировались выступления чешских социалистов, например, Франтишека Скоупа, считавшего Россию революционным образцом («По примеру России освободятся все народы»)⁵². Еще несколько месяцев назад и представить себе было невозможно, что в «Edinost» будут напечатаны слова, открыто призывающие к революции: «Искры революционного пожара из России падают на соломенную и созревшую крышу убогого дома, именуемого Австрией»⁵³. Автор не ограничился метафорами, а призвал к настоящей борьбе: «28 ноября»⁵⁴ рабочие всей страны соберутся перед Думой и будут ждать ответа. Рабочие выйдут на улицы в таком коли-

⁵⁰ Edinost. 1905.01.11. S. 1.

⁵¹ Напр.: Ibid. 1905.01.11.

⁵² Ibid. 1905.11.11. S. 1, 01.12. S. 1.

⁵³ Ibid. 1905.01.12. S. 1.

⁵⁴ На этот день австрийская социал-демократия запланировала проведение всеобщей забастовки и демонстраций.

честве, что ни один народ и ни одно государство в истории не видели такого колоссального выступления многих миллионов [...]. Если рабочие не получают [...] ответа, то с неудержимой мощью разразится ужасная эпоха крови и огня, и небо над Австрией запылает алым цветом [...]. Сейчас началась новая эра, когда выступает величайшая сила в мире: пролетариат»⁵⁵.

«Edinost» стала знакомить читателей и с социалистической (марксистской) терминологией; в ней встречаются краткие примечания, разъясняющие некоторые понятия: например, слово «пролетариат» означает «слой всех рабочих, которые продают свою рабочую силу и не имеют собственных орудий производства»⁵⁶. Вместе с введением новой терминологии существенно радикализировались и взгляды газеты. В частности, в ней были опубликованы отрывки из речи, произнесенной социалистом и редактором газеты «Rdeči prapor» Этбином Кристаном на общественном митинге 26 ноября 1905 г., который подчеркнул, что социалисты «научились от русских, как делать революцию», и высказался за введение избирательного права для женщин: «Нам нужно подготовить к политической жизни и наших словенских женщин, чтобы они стали помогать нам в нашей борьбе»⁵⁷. В публикациях газеты «Edinost», как и в большей части словенской прессы, благодаря русской революции, проявился мощный освободительный импульс. Он охватил многие грани политического и общественного сознания, от идентификации пролетариата до постановки вопроса о правах женщин. В «Edinost» обе эти проблемы увязывались и с национальной борьбой; к примеру, с гордостью упоминалось, что в одном из сообщений о прошедших в Триесте манифестациях за всеобщее избирательное право, опубликованном в газете «Omnibus» («Омнибус», выходила в Пуле), говорилось, что в Триесте «начала разгораться славянская заря»⁵⁸.

Однако «Edinost» не перешла полностью на сторону революции — и тем самым, с точки зрения понимания актуальных

⁵⁵ Edinost. 1905.01.12. S. 1.

⁵⁶ Ibid. 1905.06.12. S. 2.

⁵⁷ Ibid. 1905.01.12. S. 1.

⁵⁸ Ibid. 1905.02.12. S. 2.

событий и политического анализа, ее редакторы разобрались в ситуации в России лучше, чем кто-либо другой в словенской публицистике того времени. В декабре 1905 г. они, с одной стороны, осознали силу революционных масс и потенциал пролетариата, который может помочь им также и в их национальной и политической борьбе (за всеобщее избирательное право), а с другой — не поддались полностью революционному натиску. В это время в газете было опубликовано несколько серьезных статей о России. Конечно, при их написании словенские авторы во многом опирались на материалы зарубежной прессы — прежде всего, «лондонских газет» и «*Neue Freie Presse*» («Нойе Фрайе Прессе», «Новая свободная пресса»), однако в их публикациях они выделили несколько наиболее релевантных положений, чего ранее, на протяжении всего 1905 г., им не удавалось сделать. В конце декабря в постоянной рубрике «События в России» корреспонденты газеты сообщали, что русская административная система и русская жизнь нуждались в реформах, поэтому «честь людям великого духа», которые сумели подвигнуть к восстанию «малоподвижную, апатичную, рабскую русскую душу», но при этом очень скупо упоминали о насилии и пролитии крови. Сдержанность редакции в этих вопросах проистекала не из «мягкотелости и сентиментальности», а из убеждения, что насилие станет для этого движения препятствием, которое не позволит ему достичь своей великой цели. Затем была высказана идея, которая впоследствии действительно реализовалась, — что русская революция может породить русскую реакцию, то есть что поражение революции будет означать возрождение жесточайшей реакции⁵⁹. И в самом деле, подавление московского восстания в декабре 1905 г. ознаменовало пик контрреволюции, проложившей дорогу реакции, которая на десятилетие связала путами российское общественное и политическое движение. Московское восстание «не смогло воспламенить общественную революцию, оно стало красной тряпкой для реакции»⁶⁰. С этого момента пути поли-

⁵⁹ Edinost. 1905.27.12. S. 1.

⁶⁰ *Figes O. Tragedija ljudstva*. S. 223.

тической и общественной революции разошлись, а царский режим с октября 1905 г. по апрель 1906 г. (когда была созвана Дума) обрек на смерть около 15 000 человек. Все это было известно газете «Edinost», однако, она по-прежнему оставалась на своей, насчитывающей уже десятилетия, славянской позиции: поражение русских их огорчало как «приверженцев свободы, человеколюбия и как — славян»⁶¹. Важнейшим пунктом русской политики газета всегда считала ее «славянскую миссию».

Анализ публикаций триестских газет «Edinost» и «Rdeči prapor», которые наиболее последовательно из всей словенской прессы сообщали о революционных событиях в России, ясно показывает, что их отношение к вопросу о революции осложнялось, с одной стороны, чувствами к великой русской нации и к русскому царю, а с другой стороны, их восприятием русского народа, главным образом, крестьян и рабочих. В обоих случаях в значительной мере речь шла просто о впечатлении или спекуляции, результатом которых являлись либо идеализированный образ царя, либо возвышенный образ революции. Оба образа редко были представлены объективно, последовательно или в соответствии с историческими фактами. Редакторы обеих газет не особенно стремились рассказывать о конкретных событиях в России, скорее они предлагали описания тех сегментов, которые сами считали важными, или же полагали, что они заинтересуют их читателей. Таким образом, «Edinost» интерпретировала русскую действительность в пользу национального вопроса, а «Rdeči prapor» — в пользу классового. Можно сказать, что Россия для них была чем-то отдаленным, призмой, через которую можно было проецировать собственные убеждения, скрывавшиеся под мнимо объективной оценкой событий в России.

Перевод со словенского Л.А. Кирилиной

---

⁶¹ Edinost. 1905.27.12. S. 1.